

Мария Коннова
(Калининград)

ИКОНА ВРЕМЕНИ: СЛОВЕСНЫЙ ОБРАЗ ПРАЗДНИКА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Всякий пусть предложит времени свой дар — дар праздничный, большой или малый, но духовный и Богу угодный, сколько у каждого достанет на то сил... А я принесу в дар слово, как лучшее и драгоценнейшее из всего, что имею.

Святитель Григорий Богослов

Праздники — часть единой системы бытия человека. Культурно-минационные точки на темпорально-событийной оси², они структурируют непрерывное течение времени повседневной жизни, придавая высший, радостный смысл человеческому существованию.

Слово *праздник* является, ввиду наличия *-ра-*, заимствованием из церковнославянского (вместо исконно русского *порожний*) [18, т. 3, с. 353]. Его денотативное поле вплоть до конца XIX века структурируется вокруг событий цер-

¹ В православной традиции церковный календарь понимается как икона времени: «Земля, будучи местом Боговоплощения... является центром мироздания, но центром не астрономическим, а духовным. Время... творение Божие. Господь совершает освящение твари, которая причащается Его небесной жизни. Поэтому можно говорить о *церковном... календаре как об иконе... освященного времени...* Церковь Христова соединяет временное и вечное. <...> Пребывая во времени, Церковь реальным присутствием Христа преобразует время, как преобразует она и мир» [14, с. 722. Курсив наш. — М. К.].

² В значении самого слова *праздник* временная семантика переплетается с событийной: «1. День торжества, установленный в честь или память кого-, чего-н. 2. День или ряд дней, отмечаемых церковью в память религиозного события или святого... 4. День радости и торжества по поводу чего-н.» [12, с. 567].

ковных¹. О богатых традициях церковного праздника в русской культуре XIX века свидетельствует многообразие производных слова *праздник*: *праздица* («сторона, празднующая в известный день какому-либо святому»), *праздичный* («принадлежащий к приходу, празднующему храмовой праздник»), *празднественный* («ко празднеству относящийся»), *праздничек*, *праздницина* («местное празднество, крестный ход»), *праздничанье / празднованье*, *праздничать* («праздновать»), *празднователь (-ница)* («празднующий что-либо»), *празднолюбезный (-любобный)* («чтущий церковные праздники») [3, с. 380 – 381].

Праздничные службы, в которых на протяжении многих веков участвовали все члены общества, не зависимо от сословной принадлежности, возраста или образования, приобщали к миру красоты и гармонии, делали ощутимой силу божественного слова [2, с. 319]. Велико было и эстетическое воздействие богослужебного текста, вызывающего «чувство притягивающей красоты... слова, желание повторять его, вчитываться, вслушиваться в текст, как бы вбирая его в себя или растворяясь в нем, сопереживая самому его звучанию и переливам смысла...» [9, с. 44].

Православная вера, по-детски цельная, целомудренная, одухотворяющая весь окружающий мир, является структурообразующим началом восприятия праздников в русской литературе, в основе вершинных произведений которой находится «сопряжение человеческого и Божественного планов бытия в единый художественный образ» [5, с. 15].

В этом смысле роман И. С. Шмелева «Лето Господне»² «не столько воспроизведение церковного годового круга, как вся жизнь под Госпо-

¹ В современном русском языке семантическая структура слова *праздник* неоднородна, в ней сосуществуют и близкие к исходному значению смыслы (праздник как день торжества, установленный в честь или в память кого-, чего-нибудь: — *старинные, церковные, народные, семейные праздники*; праздник как день, особо отмечаемый традицией, обычаем или церковью: — *праздник Рождества, Пасхи; праздник Нового года; Праздников праздник — Пасха*) и дополнительные, объединенные с исходным значением метонимическими связями (праздник как выходной, нерабочий день или несколько нерабочих дней подряд; праздник как день радости и торжества по поводу чего-нибудь: *устроить кому-нибудь праздник*, то есть порадовать чем-нибудь; праздник как день игр, развлечений: *спортивный, детский праздник, праздник песни*) или симилиацией (праздник как кто-, что-нибудь радостное, дающее ощущение счастья: *Встреча с таким человеком — настоящий праздник*) [15].

² Как отмечают исследователи творчества И. С. Шмелева, роман «Лето Господне» представляет собой редкий сплав «художественности и учительства, совершенной формы и глубокого религиозного содержания» [13].

дом, от рождения до смерти... Это рассказ о том, как русский, христиански озаренный простец строил свои будни, покоряясь солнцу планетному и молитвенно осмысливая свою жизнь солнцем Православия. Как год его жизни делался православным годом и в то же время трудовым-хозяйственным годом, протекавшим перед лицом Божиим. Это рассказ о том, в каких праздниками озаренных буднях русский народ прожил тысячу лет и построил свою Россию» [6, с. 382—383].

Пасха, Светлое воскресение Христово, — «праздников праздник» всего православного мира. Воскресение Господа Иисуса Христа является центром христианской проповеди, Благой вестью, основанием веры, ее смыслом и торжеством [17, с. 285]: «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15:14).

День Светлого Христова воскресения предстает в пасхальном каноне¹ единственным по торжественности и величию царем и господом (от греч. κύριος — «господь, владыка» [4, с. 130]) всех остальных праздников (от греч. οἰβάτων — «всякий праздник» [Там же, с. 682]): «Сей нареченный и святой день, един *суббот царь и господь, праздников праздник, и торжество есть торжеств*» (К., 8 п., ир.).

Вследствие величайшего значения Пасхи в годовом богослужебном круге православной церкви существует особый, посвященный этому празднику период времени, включающий Великий пост (и подготовительные к нему недели), Страстную седмицу, сам Светлый день воскресения Христова и следующие за ним 40 дней Пасхи².

Символ Пасхи — красный цвет: «Красное — огненное — символ рая... *Бог есть — огонь...*» (Евр. 12:29), «Аз есмь свет...» (Ин. 8:12). Но свет не безжизненный, а полный величайшего напряжения, силы:

---

¹ Канон — одна из форм православной гимнографии; ряд песнопений — ирмосов (греч. εἰρμός — «связь, соединение») и тропарей (греч. τροπός — «оборот»), связуемых в одно целое единством предмета [11, с. 451].

² Празднование Воскресения Христова не оканчивается ни самим днем Пасхи, ни сорокадневным периодом после нее — каждое воскресение в течение всего года Церковь торжествует «малую Пасху». Как пишет епископ Григорий (Лебедев), «если наши сердца зажглись светом Воскресения, то, конечно, наша душа как хранилище даров Пасхи станет живым источником струй жизни. Из него забьют потоки вдохновляющей силы и заискрятся лучи радости, и вы каждый миг сможете переживать Пасху и вдохновляться святым Воскресением. Святая Церковь поэтому празднует Воскресение каждый седьмой день. Это еженедельное Воскресение и есть отблеск Пасхи. Он дается нам, чтобы подкрепить наше вдохновение, чтобы ярче блистал в нашей душе Свет Воскресения и живее была бы радость о Нем. Так Свет Воскресения льется круглый год...» [7].

«...око не видело, ухо не слышало» (1 Кор. 2:9), «Заря красная... Красное возбуждает, веселит!» [10, с. 62]¹.

Семантика «красного» цвета сливается в прилагательном *красный* с его древнейшими значениями красоты, радости (ст.-слав. *красьнь* — аналог греч. *ὄρατος* — «красивый», *περικαλλής* — «весьма красивый», *τερπνός* — «радостный, любезный, восхитительный»), победы (гот. *hrōheigs* — «победоносный») и славы (ср. новоисл. *hrós* — «слава») [18, т. 2, 367–368; 1, с. 982, 1236, 1367–1368].

В романе И. С. Шмелева слово *красный* предстает во всей полноте семантического синкретизма, входя в состав структурообразующего сочетания *Пасха красная*:

«Звон в рассвете, неумолкаемый. В солнце и звоне утро. *Пасха, красная*. <...> Отец нарядный, посвистывает. Он стоит в передней, у корзины с красными яйцами, христосуется. Тянутся из кухни, гусем. Встряхивают волосами, вытирают кулаком усы и лобызуются по три раза. "Христос воскрес!" "Воистину воскрес!" "Со светлым праздничком!" <...> Трезвоны, перезвоны, *красный-согласный* звон. *Пасха красная*. Обедают на воле, под штабелями леса. На свежих досках обедают, под трезвон. Розовые, красные, синие, желтые, зеленые скорлупки — всюду, и в луже светятся! *Пасха красная! Красен и день, и звон*» [19, с. 67. Курсив наш. — М. К.].

Ликующий, троекратный в шмелевском тексте, возглас *Пасха красная* восходит к четвертой стихире² Пасхи: «*Пасха красная, Пасха, Господня Пасха, Пасха всечестная нам возсия. Пасха, радостию друг друга обьемем. О Пасха! избавление скорби, ибо из гроба днесь яко от чертога возсияв Христос, жены радости исполни глаголя: проповедите апостолом*» (стихир., гл. 5).

Красный цвет выступает в тексте И. С. Шмелева во всем многообразии оттенков — от ярко-красного (*алого, пунцового*) до *розового*: «Кумпол-то, кумпол-то..! — дергает меня Горкин. Огненный змей взметнулся, разорвался на много змей, взлетел по куполу до креста... и там растаял. В черном небе *алым Крестом воздвиглось!* Сияют кресты на крыльях, у карнизов. На белой церкви светятся мягко, как молочком,

¹ «Радуется, ликует душа... И это не просто от нас, и даже не от богослужений... а — от Бога, это — благодать, Божий дар на Пасху... все прочее, все "обряды" суть лишь выражение этой "веселой благодати"... Люди... совершенно верно схватили праздничную пасхальную суть — радость. И радуются... И радуются так, как никогда во весь год... Это чрезмерная радость... Единственная...» [10, с. 61].

² Стихира (греч. *τὰ στιχῆρα* — «то, что написано стихами») — священное песнопение, состоящее из многих стихов, написанных одним размером и большей частью предваряемых стихами из Священного Писания [11, с. 463].

матово-белые кубастики, *розовые кресты* меж ними, зеленые и голубые звезды. Сияет — Х. В. На пасочной палатке тоже *пунцовый крестик*» [Там же, с. 66. Курсив наш. — М. К.].

В приведенном фрагменте *красный* — цвет Креста Господня (*алый Крест, розовые кресты, пунцовый крестик*), знаменующий «торжество неизреченной пламенной любви Божией к роду человеческому, явленной в Искупительном Подвиге Сына Божия» [16]. Пасхальное ликование неразрывно связано с памятью о цене Воскресения Христова, о цене победы Спасителя над грехом, дьяволом и смертью — о Кресте Господнем. Посредством Креста пришла «радость всему миру», как поется в стихире часов Пасхи:

«Воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу, Единому безгрешному. Кресту Твоему поклоняемся, Христе, и святое воскресение Твое поем и славим: Ты бо еси Бог наш, разве Тебе иного не знаем, имя Твое именуем. Приидите вси вернии, поклонимся Святому Христову Воскресению: се бо прииде Крестом радость всему миру. Всегда благословяще Господа, поем Воскресение Его: распятие бо претерпев, смертью смерть разруши» (стихир., гл. 6).

Отдельные оттенки красного ассоциативно связаны в тексте «Лета Господня» с различными проявлениями пасхальной радости. Так, *розовый* цвет сливается с тихой, чистой радостью домашнего праздничного убранства: «*Розовый* накомодник, вышитый белыми цветами... — его только на Пасху стелят! — яркие *розы* на иконе... *Пасха!*.. — и меня *заливает радостью*» [19, с. 362. Курсив наш. — М. К.]. *Пунцовый* синонимичен яркой радости пасхального приветствия-целования: «На столике у постели — пасхальные подарки. Серебряное портмоне-яичко на золотой цепочке, а внутри *радостное-пунцовое*, и светится золотой и серебрецо, — подарил мне вчера отец» [Там же, с. 362. Курсив наш. — М. К.]. *Огненно-красный* передает атмосферу безудержного веселья, удали: «Угощение на дворе. Орудует Василь-Василич, в *пылающей* рубахе, жилетка нараспашку, — вот-вот запляшет. Зудят гармоньи» [Там же, с. 67. Курсив наш. — М. К.].

Характерной чертой пасхальной радости является ее всеохватность, всеобщность. В пасхальном каноне в едином микроконтексте встречаются антонимические звенья *небеса — земля, небо — земля — преисподняя, видимый — невидимый*: «*Небеса* убо достойно да *веселятся*, *земля* же да *радуется*, да *празднует* же мир, видимый же весь и невидимый: Христос бо воста, веселие вечное» (К., 1 п., тр.); «*Ныне вся* исполнишася света, *небо* же и *земля* и *преисподняя*: да *празднует* убо *вся тварь* востание Христово, в немже утверждается» (К., 3 п., тр.).

Обобщающее словосочетание (*вся*) *всяка тварь* (от греч. *κόσμος* — «мир» [4, с. 711]) подчеркивает вселенское значение Воскресения Христова как «жития вечного начало» и источника «веселия вечного»:

«Днесь всяка тварь веселится и радуется: яко Христос воскрес, и ад пленися» (К., 9 п., 9 прип.).

Всеобщий характер ликующей радости передается в романе И. С. Шмелева яркой пестротой цветовой и звуковой гаммы, на синтаксическом уровне подчеркиваемой нанизыванием однородных определений и обстоятельств: «Солнце, трезвон и гомон. Весь двор наш — Праздник. На *розовых* и *золотисто-белых* досках, на бревнах, на лесенках амбаров, на колодце, куда ни глянешь, — всюду пестрят рубахи, самые *яркие*, новые, пасхальные: *красные, розовые, желтые*, кубовые, в горошек, *малиновые, голубые, белые*, в поясках» [19, с. 74. Курсив наш. — М. К.]; «И *все* христосуется и чмокает. И я христосуюсь. У меня болят губы, щеки, но *все* хватают, сажают на руки, трут бородой, усами, мягкими, сладкими губами. <...> И веет от *всех* теплом. <...> Я уже ничего не разбираю: так *все пестро* и громко, и звон-трезвон. С неба падает звон, от стекол, от крыш и сеновалов, от голубей, с скворешни, с распушившихся к Празднику берез, льется от этих лиц, веселых и довольных, от режущих глаз рубах и поясков, от новых сапог начищенных, от мелькающих по рукам яиц» [Там же, с. 75].

Не меньшее значение, чем красный, имеет в описании пасхальных дней цвет солнечного света — *золотой*. В романе И. С. Шмелева золото, царственный цвет пасхальной радости, имеет разнообразные оттенки:

- *золотой*: «Двор затихает, дремлет. Я смотрю через *золотистое* хрустальное яичко. Горкин мне подарил, в заутреню. Все *золотое*, все: и люди *золотые*, и серые сараи *золотые*, и сад, и крыши, и видная хорошо скворешня, — что принесет на счастье? — и небо *золотое*, и вся земля. И звон немолчный кажется *золотым* мне тоже, как все вокруг» [Там же, с. 77. Курсив наш. — М. К.];

- *светло-золотой* с отблеском снежно-белого (*сахарный, стеклянный, хрустальный*): «Большое *сахарное* яйцо, с *золотыми* большими буквами — Х. и В., а за *стеклышком* в *золотом* овале, за цветами бессмертника, над мохом, — радостная картинка Христова Воскресения. И еще — *золотисто-хрустальное* яичко, *граненое* все, чудесное!» [Там же, с. 362. Курсив наш. — М. К.];

- *золотисто-солнечный*: «Если в него [яичко] смотреть, *светится* все, как в *солнце*, — веселое все, пасхальное. Смотрю через яичко, — ну, до чего чудесно! Вижу окошечки, много *солнц*, много воздушных шариков, вместо одного, купленного на "Вербе"... множество веток тополя, много иконок и лампадок, комодиков, яичек, мелких, как зернышки...» [Там же. Курсив наш. — М. К.];

- *золотисто-блестящий*: «Я просыпаюсь, радостный, меня *ослепляет* блеском, и в этом *блеске* — *веселый* звон. Сразу я не могу понять, отчего такой *блеск* и *звон*. Будто еще во сне — *звонкие* *золотые* яблочки, как в волшебном саду, из сказки» [Там же. Курсив наш. — М. К.].

Емким выражением внутренней сущности пасхальной радости становятся лексемы корневой группы *-свет-*, «радостная» семантика которых восходит к многообразию световой метафоры пасхальных песнопений, напр.: «*Светися, светися, новый Иерусалиме: слава бо Господня на тебе возсия. Ликуй ныне, и веселися Сионе. Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о востании Рождества Твоего*» (К., 9 п., ир.); «*Очистим чувства и узрим неприступным светом воскресения, Христа блистающая, и радуитесь, рекуща ясно да услышим, победную поюще*» (К., 1 п., тр.); «*Яко воистинну священная, и всепразднственная сия спасительная ночь, и светозарная, светоноснаго дне, востания сущи провозвестница: в нейже безлетный Свет из гроба плотски всем возсия*» (К., 7 п., тр.).

Ключевая для пасхальных песнопений метафора *света* неразрывно связана с мыслью о вечном Свете Божественном¹. Солнце земное становится прообразом вечного Солнца правды – воскресшего Христа: «*Утренюем утреннюю глубоко, и вместо мира песнь принесем Владыце, и Христа узрим Правды Солнце, всем жизнь возсияющая*» (К., 5 п., ир.); «*Яко единоклетный агнец, благословенный нам венец Христос, волею за всех заклан бысть, Пасха очистительная, и паки из гроба красное правды нам возсия Солнце*» (К., 4 п., тр.).

В тексте И. С. Шмелева именно лексемы со значением *света* передают наивысшую степень радости: «*На меня веет Праздником, чем-то необычайно радостным, что видится мне в скорлупе, – светится до того красиво! Я начинаю прыгать*» [Там же, с. 72. Курсив наш. – М. К.]; «*Он целует мне мокрый глаз. Мне легко. Радостно светится скорлупка. О, чудесный, далекий день! Я его снова вижу, и голубую лужу, и новые доски мостика, и солнце, разлившееся в воде, и красную скорлупку, и желтый, шершавый палец, ласково вытирающий мне глаза*» [Там же, с. 73. Курсив наш. – М. К.].

Полнота радостно-солнечного пасхального ликования передается прилагательным *яркий*, объединившим семы света, огня, блеска (*ярый* «яркий, сверкающий», укр. *ярий* «яркий, пестрый», *яркий* «горячий», болг. *яра́* «блеск, зарево», польск. *jarzyć się* «сиять, сверкать» [18, т. 4,

---

¹ По слову святителя Амвросия Медиоланского, «свет Христов не заграждается стенами, не разделяется стихиями, не помрачается тьмою. Свет Христов есть день без вечера, день бесконечный: он всюду блещет, везде освещает, ничто от него не укрывается. <...> Кто же есть *день неба*, как не Христос Господь? (Пс. 18: 3). Он есть день Сын, Коему день Отец открывает таинство Божества Своего; Он есть день, о коем пишется (у Соломона): *Аз сотворих, да возсияет на небеси свет непрестанный...* И так как за днем неба никогда не последует ночь, то и по явлении правды Христовой тьма грехов исчезает. Так как день всегда сияет и не может быть объят никакою тьмою, то и свет Христов сияет и не покрывается никакою темнотою грехов. Потому евангелист Иоанн и говорит: *и свет во тьме светится, и тьма Его не объят* (Ин. 1:5)» [10, с. 128–130].

с. 562]): «Открываю опять глаза — и вдруг вспоминаю: да это Пасха!.. яркое утро-солнце, пасхальный звон!» [19, с. 362. Курсив наш. — М. К.].

Исследование семантики радости в шмелевском образе праздника Пасхи сквозь призму смысловых линий цвета и света показало, что словесные особенности ее выражения глубоко укоренены в православной богослужебной традиции. И. С. Шмелев «спустился в недра... церковного благочестия», освящавшего всю жизнь русского человека [8, с. 94].

Список сокращений

- гл. — глас.
ир. — ирмос.
К. — канон.
п. — песнь.
прип. — припев.
стихир. — стихира.
тр. — тропарь.

Список литературы

1. Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. М., 1991.
2. Вендина Т. И. Из кирилло-мефодиевского наследия в языке русской культуры. М., 2007.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1956. Т. 3.
4. Дьяченко Г., свящ. Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.
5. Есаулов И. А. Христианский реализм как художественный принцип русской классики // Феномен русской духовности. Калининград, 2007.
6. Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. М., 1996.
7. Календарь «Православные праздники» на 2010 год. Кострома, 2009.
8. Карташев А. А. Певец Святой Руси // Русское Возрождение. 2006. № 84.
9. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М., 1998.
10. Митрополит Вениамин (Федченков). Пасха. М., 2007.
11. Митрополит Вениамин (Федченков). Размышления о двенадцятих праздниках. М., 2008.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
13. Осьминина Е. А. Радости и скорби Ивана Шмелева // Иван Шмелев. Лето Господне. М., 1996.
14. Пастырь добрый. Жизнь и труды московского старца протоиерея Алексея Мечева. М., 2000.
15. Русский семантический словарь. М., 1998. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=244> (дата обращения: 15.04.2009).
16. Символика цветов. URL: <http://www.liturgy.ru/docs/3odejan5.php> (дата обращения: 08.04.2009).
17. Сурова Л. В. Церковный год. М., 2000.
18. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986.
19. Шмелев И. С. Лето Господне. М., 2007.

**ДОКУМЕНТЫ
ВРЕМЕНИ**

На протяжении всего XIX века роль русско-немецкой торговли постоянно усиливалась. Кёнигсберг приобрел такое значение для двусторонних экономических связей, что его полусерьезно стали называть «русским портом»: три четверти его морского вывоза составляли товары русского происхождения. Российский консул Фридрих Вышемерский в 1880 году писал, что экономическое благополучие столицы Восточной Пруссии зависит от торговли со своим восточным соседом: «Неурожай в России — и все дела здесь почти прекращаются».

Ю. Костяшов